

морской губернии. Екатеринодар, 1899; *он же*. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области, собранных почетным членом Областного статистического комитета. Екатеринодар, 1904; *Короленко П.П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска 1696–1896. Екатеринодар, 1896; *Гулыга И.Е.* 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис, 1913; *Кравцов И.С.* Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков, 1882; *Толстов В.Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1901. Подробнее о полковой историографии см.: *Матвеев О.В.* Полковая историография Кубанского казачьего войска // Мир Шолохова: история и культура. Ростов н/Д, 2005.

⁵ Казачество в истории России. Тезисы докладов международной научной конференции. Краснодар, 1993; Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научной конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. Краснодар, 1996; Казачество России: история и современность. Тезисы Международной научной конференции (Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002; Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего

войска). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тимашевск, 2–5 октября 2006 г.). Краснодар, 2006.

⁶ *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999. С. 60.

⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 3. С. 197.

⁸ Как показал в своих исследованиях аграрной истории Кубани В.Н. Ратушняк, 65% казачьих хозяйств обрабатывали свои наделы самостоятельно, не прибегая к найму рабочих.

⁹ *Малукало А.Н.* Указ. соч. С. 128.

¹⁰ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГА КК), ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 22 об.–23.

¹¹ Кубанские областные ведомости. 1882. № 25.

¹² Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000; Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20-е – 70-е гг. XIX в.) // Сборник архивных документов. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Ч. 2. Нальчик, 2003.

¹³ ГА КК, ф. 350, оп. 2, д. 256, л. 31 об.

И. Пярт. Старцы: харизма и традиция в русском православии. ДеКальб, Иллинойс: Изд-во Университета Северного Иллинойса, 2010. XIII+286 с.*

Одной из самых заметных тенденций в современной историографии, посвященной истории Церкви в России, является переосмысление оценок синодального периода (XVIII – начало XX в.), выявление всей сложности, неоднозначности и своеобразия этой эпохи в жизни русского православия. Целый ряд исследований показывает, что Церковь, пережив тяжелый удар со стороны властей в период петровских реформ, сумела адаптироваться к новым условиям, приспособиться к запросам различных социальных слоев, возродить или создать заново различные формы религиозной жизни, ставшие характерной чертой развития русского общества в XVIII – начале XX в. Жесткий бюрократический контроль не мог подавить духовных исканий в церковной среде, положить конец религиозному творчеству,

многие направления которого оказывались тесно связаны с духовным укладом допетровского периода, наследием «святой Руси». Одним из таких направлений стало старчество, сыгравшее огромную роль как в религиозно-духовной жизни России, так и в истории русской культуры.

Учитывая роль старчества в истории послепетровской России, остается лишь сожалеть о том, что до сих пор этой теме не было посвящено специального исследования. Работа научного сотрудника Таллинского и Тартуского университетов Ирины Пярт удачно восполняет данный пробел. Монография опирается на солидную источниковую базу, включающую документы как российских (центральных и региональных), так и западных архивов. В книге широко привлекаются

* *Paert I.* Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2010. XIII + 286 p.

различные виды опубликованных материалов, а также устные источники – интервью, взятые автором у церковных иерархов и духовных чад старцев XX в. Исследовательница хорошо знакома как с трудами западных авторов, так и с современными российскими работами по истории Церкви. Это создает основу для взвешенного, сбалансированного подхода к теме исследования, синтеза различных историографических традиций.

Анализируя обширный круг источников, Пярт весьма успешно использует теоретический инструментарий современного и классического религиоведения. Так, восходящее к М. Веберу выделение «харизматической» и «институциональной» духовной власти дает возможность раскрыть отношения старцев с официальной церковной иерархией, хотя, как отмечает автор, грань между носителями этих видов власти вовсе не являлась абсолютной. В целом Пярт выступает против жестких дихотомических моделей, подчеркивая относительность границ между «высокой» и «народной» культурой, Церковью и светским обществом, элитой и «низами». Безусловно сильной стороной исследования следует признать использование сравнительно-исторического материала – сопоставление явлений религиозной жизни России с основными тенденциями развития католического и протестантского Запада. Опираясь на данные принципы, исследовательница подходит к анализу ключевых явлений в истории духовного подвижничества XVIII–XX вв. С какими же причинами, по мнению автора, было связано распространение старчества в императорской России? Какие обстоятельства обусловили столь значительную роль этого феномена в духовной жизни страны?

Отвечая на эти вопросы, Пярт подчеркивает многообразие факторов, влиявших на изменения в религиозной жизни России. Развитие старчества можно рассматривать как реакцию Церкви на секуляризационные меры правительства (лишение монастырей административной автономии и землевладения подтолкнуло их к поиску новых форм воздействия на паству). Огромную роль сыграло «балканское возрождение» XVIII в., обращение православных интеллектуалов Греции к наследию средневековых мистиков-исихастов. Нельзя не упомянуть и русскую традицию отшельничества, созерцательного монашества, восходившую ко временам Сергия Радонежского и сохранявшуюся как в рамках господствующей Церкви, так и в среде старообрядчества. Духовное возрождение, отмечает автор, «пришло в Россию с окраин империи, через традиции инаковерия, из тайных обителей и из-за границы» (р. 44),

что демонстрировало гибкость и многообразие форм религиозной жизни, далеко не во всем доступной официальному бюрократическому регулированию.

В развитии старчества XVIII в. Пярт различает «южную» традицию, связанную с начинаниями учеников Паисия Величковского, и самобытное направление, ярче всего проявившееся в деятельности Серафима Саровского. Важно подчеркнуть, что движение старчества, хотя и наталкивалось подчас на бюрократические преграды, было энергично поддержано наиболее дальновидными иерархами, не стеснявшимися во многих случаях нарушать суровые требования Духовного регламента. В защиту старчества выступали представители различных поколений епископата, люди разного склада личности и жизненного опыта. Среди них были и архиереи эпохи «просвещенного абсолютизма» Гавриил (Петров) и Платон (Левшин), и митрополит Филарет (Дроздов), прошедший через искушение «интерконфессионального христианства» Александра I. Сословно-административные порядки имперского государства хотя бы отчасти смягчались в XVIII – первой половине XIX в. деятельностью старцев, осуждавших крайности крепостничества (р. 98), укрывавших в своих скитах простолюдинов, искавших духовного самосовершенствования (р. 64), а то и просто подававших пример духовной дружбы лиц, принадлежавших к разным сословиям (р. 65).

Отмена крепостного права, начало широкомасштабной модернизации открыли новую страницу религиозной жизни России, когда, по словам Пярта, духовное наставление старцев служило поддержкой для всех, «потерявших себя» в условиях стремительных перемен пореформенного периода (р. 124, 152 и др.). В эти годы старчество привлекает к себе особое внимание не только в простонародье, но и в «образованном обществе», приобретает статус «национального символа» (р. 130), попадает на страницы произведений Ф.М. Достоевского и других выдающихся писателей второй половины XIX в. На рубеже веков, в условиях небывалого роста социальной и территориальной мобильности, приобщения народных масс к культуре «верхов» облик старчества существенно изменился. Широко известной становится деятельность старцев из белого духовенства (Иоанн Кронштадтский, Алексей Мечев и др.), оживает интерес к религиозным вопросам в среде «высшего общества», ослабевает отчуждение синодальной духовной школы от мистических поисков в монашеской среде, народной религиозности (р. 149). Разумеется, все это имело как позитивную, так и «темную» сторону. Беспрецедентно быстрое и широкое

распространение информации о старчестве, популяризация, а следовательно – известное «огрубление» представлений об этой форме подвижничества создавали соблазн имитации религиозного подвига, притупляли остроту восприятия у многих, искавших духовного наставления в переломный период истории, и усугубляли явления, игравшие разрушительную роль в жизни страны. Наиболее ярким примером такого рода стала деятельность Г. Распутина, воспользовавшегося стремлением к «духовному опрощению» и «религиозному народничеству», распространенным на рубеже веков в среде высшего общества и не обошедшем своим влиянием царскую семью.

Исследуя феномен старчества, Пярт вносит важные дополнения в наши представления о различных аспектах религиозной жизни императорской России. Так, критически переосмысливается тезис о полном разрыве дворянства XVIII – начала XIX в. с традиционной религиозной культурой (многие представители «благородного сословия» поддерживали старцев-отшельников, ряд старцев были выходцами из дворян) (р. 50, 52, 60–62 и др.). Исследование взаимоотношений старчества и старообрядчества (р. 45–46), анализ гендерного аспекта духовного подвижничества (р. 64–68 и др.), освещение переводческо-публикаторской деятельности отдельных старцев и монашай, их контактов со светскими писателями и мыслителями (И.В. Киреевским, К.Н. Леонтьевым) также представляют значительный интерес. Не обходит автор вниманием и один из главных вопросов, возникающих у читателя при знакомстве с проблематикой ее исследования: почему движение старчества, игравшее столь заметную роль в духовной жизни второй половины XIX – начала XX в., не смогло предотвратить нарастания социально-политической напряженности в русском обществе, не стало заслоном на пути атеистических, революционных устремлений?

Материалы, представленные в монографии, позволяют предположить, что в плане духовной эволюции (как и во многих других отношениях) предреволюционная эпоха носила сложный, переходный характер. Деструктивные тенденции причудливо переплетались в это время с вызреванием новых религиозных форм, которые, достигнув зрелости, могли бы оказывать стабилизирующее воздействие. Бок о бок существовали упомянутое выше «лже-старчество», нарастающая бюрократизация духовного ведомства – и такие явления, как выход старцев к «массовой аудитории», соединение духовного подвижничества с социальной работой (деятельность Иоанна Кронштадтского), распространение феномена старчества

на новые слои населения. Представляется, что исход противоборства противоречивых тенденций в начале XX в. не был предreshен, позитивные явления в духовной жизни страны уверенно набирали силу, и им просто не хватило времени, чтобы сложиться в некую целостность, составить единую систему.

Советская эпоха, характеризовавшаяся беспрецедентными религиозными гонениями, привела к дальнейшему размыванию границ между старчеством и миром, сближению (особенно в первые десятилетия советской власти) старчества «монашеского», «мирянского» и «приходского». Харизматический, никогда не подававшийся полной институционализации характер духовного подвижничества в православии способствовал в эти годы выживанию старчества как религиозного явления и сохранению традиций духовности в «глубинных», не доступных воздействию власти слоях жизни общества. Вместе с тем XX столетие было отмечено в церковной среде (как в СССР, так и в эмиграции) обострением споров о сущности старчества и нарастающими разногласиями в его понимании (р. 196–197). Противоречия начали выходить на поверхность после прекращения гонений на Церковь во второй половине 1980-х гг. и продолжают существовать в России и в наши дни, о чем, в частности, свидетельствуют споры относительно феномена «младостарчества», попытки использовать отдельных старцев в качестве «знамени» ультраконсервативных групп в Церкви (р. 209–210).

Отмечая достоинства исследования, хочется в то же время выразить несогласие с отдельными его выводами и формулировками. Подробно освещающая историю поддержки старчества выдающимися архиереями, давая многочисленные примеры взаимодействия различных форм духовной власти, автор почему-то считает, что авторитет старцев носил «потенциально подрывной» характер и ставит их в оппозицию «к существующим формам пастырства и церковной иерархии» (р. 69, 102). Подобный вывод не кажется убедительным. Вряд ли можно также называть старцев «духовными полицейскими», «стоящими на страже границ православия» (р. 102) – сама же исследовательница пишет, что к полицейско-миссионерским задачам представители старчества подключались крайне неохотно (р. 94). Не стоит прямолинейно увязывать обращение митрополита Филарета (Дроздова) к духовному наследию Серафима Саровского в 1830-е гг. с политической повесткой дня того времени и придавать ему сугубо прагматический характер (укрепить политический режим путем распространения ценностей смирения и покорности) (р. 100). Натянутым кажется вывод о том, что

тяготение части белого духовенства второй половины XIX в. к мистицизму было связано с неудачей церковных реформ и «трагической судьбой» о. Иоанна Беллюстина, «принужденного к молчанию и униженного» церковной иерархией (р. 105). В эпоху реформ Беллюстин пользовался покровительством царской семьи, являлся настоятелем кафедрального собора в Казани, активно публиковался в светской и церковной печати. Мистиком этот священник никогда не был, и его судьба вряд ли могла вызывать сочувствие у сторонников мистицизма.

В исследовании есть и ряд фактических ошибок, неточностей. Церковное понятие «окормление» связано со словами «корма», «кормчий», и означает «руководство», а не «питание» (nourishment) (р. 111). Политика усиления вмешательства светских властей в дела церкви, характерная для Д.А. Толстого, приписана (с ошибочной ссылкой на исследование С.В. Римского) К.П. Победоносцеву (р. 108). Антоний (Храповицкий) не был ректором Санкт-Петербургской духовной академии, считать его «архиврагом» (archenemy) Победоносцева – как минимум, преувеличение (р. 157). Смещение в 1917 г. Антония с

харьковской кафедры нельзя рассматривать как проявление «демократизации» церкви (р. 178), ибо как раз в рамках демократических процедур этот архиерей неизменно добивался успеха (переизбран на харьковскую, избран на киевскую кафедры, получил наибольшее количество голосов при выборах патриарха). В целом же, несмотря на эти замечания, необходимо еще раз подчеркнуть научную значимость исследования, его важность с точки зрения современных тенденций развития историографии религии и Церкви. Можно предположить, что отдельные аспекты истории старчества, затронутые в монографии, станут в будущем предметом углубленного анализа в специальных исследованиях. Хотелось бы также видеть работу И. Пярт переведенной на русский язык. Издание этой книги в России существенно стимулировало бы развитие отечественного исторического религиоведения.

А.Ю. Полунов,
доктор исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

С.А. Репинецкий. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2010. 318 с.

Монография Станислава Александровича Репинецкого хорошо вписывается в общий контекст развития современной исторической науки вообще и изучения российского либерализма в частности. Накопленный отечественными и зарубежными историками теоретический и фактический материал позволяет дать комплексный анализ идеологии российских либералов в предреформенный период, учитывая не только концепции наиболее видных представителей либерального движения, но и взгляды широких кругов либерально-мыслящей общественности. Поэтому вполне понятен интерес к исследованию Репинецкого таких известных специалистов, как профессора С.С. Секиринский и Л.Ю. Гусман (их положительные аналитические отзывы помещены в книге).

Работе присущ системный подход. Охарактеризовав историографию и источниковедческие аспекты своей темы (глава 1), автор выделяет основные этапы обсуждения крестьянского вопроса в либеральной публицистике второй половины 1850-х гг. и взаимодействия либеральных органов печати с цензурой (глава 2),

раскрывает видение либералами сути предстоящей аграрной реформы (глава 3), а также особенности либерального подхода к социально-политическим проблемам, связанным с тем или иным решением крестьянского вопроса (глава 4).

Новаторским является вывод Репинецкого о том, что во второй половине 1850-х гг. цензура воспринималась абсолютным большинством либералов как «вполне естественный» институт, предназначенный не только для обеспечения политической лояльности прессы, но и для «контроля качества» печатной продукции. В силу этого он требовал, как им казалось, некоторого ограничения, но отнюдь не упразднения. Анализируя принципиально важную в контексте дискуссии о крестьянской реформе полемику об общине, автор выделил три категории либералов: «консерваторы», «реформисты» и «ликвидаторы». Использование термина «консерваторы» применительно к либеральной общественности несколько непривычно, но подробно аргументировано исследователем. По мнению Репинецкого, в отечественных либеральных кругах, за редки-